

А. И. КУПРИН

Керенский — «наш ходок»

<...> Но сказать ли, по совести, в какой момент, по моему мнению, он и мы нашли сами себя и друг друга? Нет, не тогда, когда он присутствовал при отречении, а потом при аресте Николая II. И не тогда, когда он назвал зарвавшуюся толпу пьяными рабами. И не в Гельсингфорсе, и не на фронте, и не в пламенных ответах большевикам.

А тогда, когда он так просто и так по-человечески, слишком по-человечески сказал: «Я стражду». Тогда вся здоровая Россия почувствовала, что у нее на секунду остановилось сердце, зашлось дыхание, и почва зыбко поплыла под ногами.

Да. Он свой. Свой вне партий, подпартий, мнений, толков, сплетен, интриг и борьбы низких властолюбивых интересов. Он вернулся с съезда фронта, и мы с нежностью узнали, что он загорел и окреп. Он сказал нам своим правдивым голосом, что армия дезорганизована в сотни раз менее тыла, и мы доверчиво вздохнули. Он рекомендовал наступление. И наступление будет.

Будет не оттого, что этого хочет Керенский. А оттого, что этого хочет народ. Во все времена и у всех народов в години тяжелых испытаний всегда находился тот непостижимый и непосредственный душевный преемник, тот божественный резонатор, тот таинственный выявитель воли народной, что я и называю живым, бьющимся сердцем народа. Керенским руководит его сердце, сердце народа, коллективная воля. Лениным — его личный сухой ум, ум озлобленного теоретика.

Политические враги Керенского, ослепленные злобой, завистью и фанатической нетерпимостью, одурманенные подлым принципом — цель оправдывает средства, однажды дошли до того, что

кинули в толпу зловещую и зловредную мысль: «А не метит ли Керенский в Наполеоны?»

Поистине предположение, достойное ублюдка Усть-Сысольской просвирни со Смердяковым.

Наполеон это французский великолепный жест. По-русски же такое явление называется Степан Тимофеевич Разин¹. И разве не ясно, что мы по самому строению нашей народной души не способны выдать из себя не только Наполеона, но даже и диктатора. И такое душевное свойство я отношу отнюдь не к расхлябанности народа, а к его великодушию. А от Стеньки — сохрани нас Никола Милостивый.

Керенский же это наш — возьмем простое мужичье слово — ходок. Перед Богом за тех, кто в него верит, перед родиной за тех, кто ее любит, перед потомством за тех, кто еще не потерял способности краснеть при мысли о той пощечине, которая нас ждет от руки всемирной истории.

Но Брут сказал:
Он был властолюбив,
А Брут, конечно,
честный человек.

Но в том-то и дело, что наш Брут вовсе не честный человек, а мелкий шулер. И Керенский не Цезарь, а дисциплинированный социалист и в то же время человек сердца.

И я представляю себе фантастическую картину. Ленин одолевает Керенского. И тогда Керенский слагает с себя власть и почти буквально повторяет слова, сказанные Кавеньяком² в 1848 г. в момент передачи власти президенту Луи Наполеону³:

«О, если бы я знал, что он не изменит обещанию. Я опустился бы на колени и поцеловал бы его руку. Но беда страны в том, что он непременно обманет».

Кавеньяк был прав. Наполеон узурпировал власть, купив голоса плебисцита и сделав себя императором. Кавеньяк отказался присягнуть ему и был арестован.

Мы очень рады тому, что враги Керенского даже не Наполеоны Третьи. Это исторические болтуны, трибунные паяцы, честолюбивые мизантропы, сумасшедшие алхимики, и в самом невинном случае продажная челядь.

В Керенском же кипит наша кровь и бьется наше сердце.
Поклон ему.

Р. S. Сейчас, просматривая корректуру этой статьи, я вспомнил слова о Керенском одного глубоко военного человека:

«Его попрекнули декларацией прав солдата⁴. Это были булавочные уколы. Я, боевой офицер, с удовольствием бы расширил солдатские права. Но за то потребовал бы и “декларации обязанности солдата”. А Керенский всеми своими действиями уже создает эту вторую, еще ненаписанную декларацию».

